

ЛЮБОВЬ ЛИЗАЛОВА

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ МЯГКИЕ /к'/, /г'/ /х'/ ФОНЕМАМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

Как известно, «... роль отдельных оппозиций в любом языке весьма различна и зависит от объема различительной силы, которой они обладают во всех положениях» (Трубецкой, 1960, 86). Фонологическая характеристика русского языка в отношении проявления категории твердость-мягкость обусловлена прежде всего количеством согласных фонем, входящих в коррелятивные отношения, и их функциональной нагрузкой. С этой точки зрения оппозиция по упомянутому признаку в системе русского языка представлена 15 парами согласных, из них по А. А. Реформатскому 12 пар представлены фонематически: /б — б'/, /п — п'/, /в — в'/, /ф — ф'/, /д — д'/, /т — т'/, /з — з'/, /с — с'/, /н — н'/, /м — м'/, /л — л'/, /р — р'/ и три вариационно: [к — к'], [г — г'] и [х — х'] (см. об этом также Васильев, 1967, 44 и Барановская, 1975, 77).

Другой точки зрения придерживается Ю. С. Маслов. По этому поводу он утверждает следующее: «... в русском языке /г'/, несомненно, является отдельной фонемой, а не вариантом /г/, хотя в рамках литературного русского языка точной «минимальной пары» для этих двух пар пока нет. Такие пары как галун Х гяур или густь Х гюйс безупречно доказывают фонематичность различия /г/ : /г'/, его независимость от следующего гласного, но не являются «минимальными», так как слова эти различаются между собой и другими согласными. Однако потенциальная возможность возникновения «минимальной пары» для /г/ и /г'/, конечно наличествует — никаких фонетических препятствий к возникновению подобной пары в русском языке не имеется» (Маслов, 1975, 63—64). То же, естественно, можно было бы сказать и относительно пар /к — к'/ и /х — х'/ . Вся проблема заключается лишь в том, что лексический материал современного русского языка не дает примеров, в которых бы реализовалась смысловозначительная функция названных выше пар согласных. Кроме того, лексический материал, содержащий фонематическую последовательность «мягкая велиярная» + ударная гласная переднего образо-

вания, относится в основном либо к лексической подсистеме слов иностранного происхождения (*гюйс, экю, Гёте, педикюр, паникёр* и т. д.), либо отражает позицию, где имеет место морфологизированная мена аллофоном (в основном это случаи сочетания /к'о/ в парадигме глагола *ткать* и деепричастия *берега от берець* и *жгя от жечь*).

Аргументы, высказанные в пользу фонемности /к'/, /г'/, /х'/, но базирующиеся на материале лексики иностранного происхождения, мало убедительны, поскольку,

во-первых, лексическая подсистема заимствованных слов делает открытой и фонетическую подсистему, в которой могут совместиться разнородные факты, не имеющие отношения к собственной системе литературного языка;

во-вторых, заимствованная лексика ставит под вопрос и частотность ее употребления носителями русского языка.

Статистическое же определение встречаемости фонем в реальных речевых условиях, как показывает теоретическая и экспериментальная литература по данному вопросу (см. Бондарко, 1981), свидетельствует об определенной иерархической организации противопоставлений. Так, например, доказано, что в речи мягкие согласные встречаются в два раза реже, чем твердые. Это заставляет говорить о «несоответствии между количеством твердых и мягких согласных в системе фонем и в тексте» (Бондарко, 1981, 176).

Кроме того, если исходить из положения фонологов о том, что в современном русском языке позиция согласных перед гласными непосредственного образования /а/, /о/, /у/ считается наиболее сильной для выявления признака твердость-мягкость, то на основании обработанного нами материала, указывающего на минимальную встречаемость [к'], [г'], [х'] перед /а/, /о/, /у/ (см. прилагаемые таблицы), вряд ли можно говорить о фонематичности «мягких веллярных». Примеры парадигмы настоящего времени глагола *ткать* и формы деепричастий *берега* и *жгя* также малопоказательны. Первый случай А. А. Реформатский объясняет «невозможностью сохранить парадигму при обычном чередовании: *тку — тчошь — тчом — тчоте — ткучь*», как этого требует спряжение глаголов I класса с инфинитивным формантом -а (*братъ, ждять, звать, рвать* и т. д.), характеризующееся чередованием твердого и мягкого согласного основы во 2-ом и 3-ем л. ед. ч. и 1-ом и 2-ом л. мн. ч. Что же касается второго случая, то приведенные формы деепричастий считаются нелитературными и относятся к примерам, представляющим парасистему, а, следовательно, не могут быть достаточно серьезными репрезентантами указанной выше позиции.

В-третьих, функционирование [к'], [г'], [х'] в современном русском языке не отвечает ни дефиниции фонемы, выдвигаемой между прочим

1. Таблица количественного соотношения фонематических последовательностей — I-ый этап обследования

Сочетание [t'a]

Л'А	Р'А	Н'А	Т'А	В'А	М'А	П'А	З'А	С'А	Д'А	Б'А	Ф'А	Г'А	К'А	Х'А
1478	857	660	253	232	230	120	107	103	96	36	2	0	0	0

Сочетание [t'o]

Л'О	Т'О	Н'О	Р'О	Д'О	В'О	М'О	С'О	П'О	З'О	Б'О	К'О	Ф'О	Г'О	Х'О
1081	437	363	350	338	197	195	113	110	93	62	18	7	0	0

Сочетание [t'u]

ЛУ	РУ	ТУ	НУ	ДУ	ЗУ	СУ	БУ	ВУ	КУ	ПУ	ФУ	МУ	ГУ	ХУ
313	111	90	76	30	17	13	12	9	8	7	6	4	1	0

2. Количественное соотношение исследуемых моделей в межморфемной и внутриморфемной позициях — II этап работы

/t'a/	Н'А	Р'А	Л'А	Т'А	Д'А	С'А	Б'А	В'А	П'А	М'А	З'А	Ф'А	Г'А	К'А	Х'А
морф	3	51	48	30	0	47	6	30	18	14	2	0	0	0	0
шов	805	613	594	214	180	97	110	79	73	67	45	6	0	0	0

/t'o/	Н'О	Р'О	Л'О	Д'О	Т'О	В'О	С'О	З'О	М'О	Б'О	П'О	К'О	Ф'О	Г'О	Х'О
морф	20	90	67	0	82	86	27	14	38	7	46	0	0	0	0
шов	1577	441	272	322	231	161	152	135	76	97	0	28	0	0	0

/t'u/	Л'У	Р'У	Н'У	Д'У	Т'У	З'У	В'У	М'У	П'У	Б'У	С'У	Ф'У	Г'У	К'У	Х'У
морф	21	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
шов	740	318	286	6	3	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0

и Ю. С. Масловым, и ни требованиям, предъявляемым современной фонологией к фонеме.

Если фонемой называть «кратчайшую звуковую единицу данного языка, способную быть в нем единственным внешним различителем экспонентов морфем и слов» (Маслов, 1975, 63) или «минимальную дискретную единицу плана выражения, составляющую звуковую оболочку значимых единиц языка (морфем), способную различать звуковые оболочки разных морфем (или их вариантов)» (Оливерийус, 1974, 48), то необходимо подчеркнуть, что в русском словаре не нашлось ни одной лексической единицы, содержащей морфему с [к'], [г'], [х'] перед /а/, /о/, /у/. Не представлены эти последовательности и на морфемном шве в словоформах исконно русских слов, кроме вышеприведенных.

В «Основах фонологии» Н. С. Трубецкой совершенно четко определяет сущность и функцию фонем. Он говорит: «Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру (Трубецкой, 1960, 74—75). О мягких [к'], [г'], [х'] этого сказать нельзя, поскольку исконно русским сочетаниям /ко, го, хо/, /ка, га, ха/, /ку, гу, ху/ нет исконно русских сочетаний /к'о, г'о, х'о/, /к'а, г'а, х'а/, /к'у, г'у, х'у/.

Из истории развития и становления фонетической и фонологической системы русского языка известно, что ни один из палатализационных процессов /к/, /г/, /х/ не дал в русском языке /к'/, /г'/, /х'/.

Лишь после падения редуцированных и после окончательного оформления фонемообразующей категории твердость-мягкость, в русском языке происходит изменение группы [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i]. Этот процесс датируется приблизительно XIV—XV вв. Р. И. Аванесов уточняет это изменение переходом /y/ всякого происхождения перед [i] и [j] в [o]: [drugŷ] → [drugŷi] → [drugŷi] → [drugyi] → [drugoi], и подчеркивает: «Следует иметь в виду, что изменение [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] произошло тогда, когда в системе языка на стыке с флексиями давно уже имелись [k'], [g'], [ch'], появившиеся нефонетическим путем (/ruk'ě/, /nog'ě/, /much'ě/), еще раньше в случаях типа /žep'ьs'k'ě/» (Аванесов, 1974, 255—256), т. е. морфологическим путем, путем унификации, по аналогии [st'эна] — [st'эн'э], [n'an'a] — [n'an'э], в результате изменений, вызванных позицией в словоформах одного слова. Совершенно правомерна поэтому оппозиция велярных по признаку твердость-мягкость, построенная А. А. Реформатским по схеме: /к^о/ X /к'^н/.

Однако и в данном случае необходимо иметь в виду, что смысловозна-

чительная оппозиция в словоформах [старуха] X [старух'н] заключается не в оппозиции консонантов, а в оппозиции гласных, как в словоформах [н'ан'а] X [н'ан'н], и что вызвана она не фонетическим, а морфологическим путем, по аналогии, т. е. в результате позиционного чередования. До тех пор, пока не появятся минимальные пары, опровергающие позиционность чередования, /к'/, /г'/, /х'/ нельзя считать фонемами. »Есть ткёт, и есть слово кот. Если появятся два разных слова: ткёт — ткот или кот — кёт, то уже нельзя будет игнорировать то, что /к'/ встречается перед /о/: позиция стала явно различительной« (Кузнецова, Панов, 1980, 78).

В связи со сказанным естественно было задаться вопросом, что из себя представляют в таком случае так называемые мягкие заднеязычные и носителями какой информации они являются?

Как показала изученная литература по экспериментальной фонетике (Зубкова, 1974; Пирогова, 1980; Скалозуб, 1963) в отличие от 12 парных губных и переднеязычных согласных, коррелирующих по дифференциальному признаку »наличие или отсутствие палатализации«, как дополнительной артикуляции, твердые и мягкие заднеязычные образуют противопоставление по активному действующему органу. Это значит, что твердым заднеязычным противопоставляются не заднеязычные палатализованные, а среднеязычные палатальные. Кроме активного действующего органа, разным является и признак по месту образования у этих согласных. На акустическом же уровне описываемые согласные противопоставляются по признаку **низкий** — **высокий**, а 12 парных губных и переднеязычных — по признаку **бемольный** — **диезный**. »На фонетическом уровне противопоставление по признаку бемольный — диезный как более общее в оппозиции твердых — мягких согласных вовлекает в свою сферу противопоставление по признаку **низкий** — **высокий**. С точки зрения функционирования в системе консонантизма эти признаки выступают как однозначные, о чем свидетельствует прежде всего участие заднеязычных наравне с переднеязычными и губными в морфологизированных чередованиях твердых и мягких согласных« (Зубкова, 1974, 43—44). Поэтому это нисколько не мешает палатальные среднеязычные называть мягкими по установившейся в русистике традиции. Нужно лишь иметь в виду, что данные мягкие согласные с твердыми заднеязычными не образуют чистой привативной пары, один член которой характеризуется наличием, а другой — отсутствием признака.

Следовательно, можно считать, что на основании артикуляторно-акустического противопоставления, мягкие /к'/ /г'/, /х'/ были механически включены в богато представленный окреляционный ряд русских согласных, не выполняя при этом смысловозначительной функции.

И все-таки им нельзя отказать в статусе носителей определенной информации. С точки зрения морфонологии они могут считаться погранич-

ным сигналом конечного согласного основы с суффиксом или окончанием (см. об этом также Современный русский язык, 1981, 77).

Что же касается лексического уровня, то для каждого носителя русского языка сочетание мягких «заднеязычных» с /a/, /o/, /y/ является сигналом заимствованного, нерусского фонологического явления, или нарушения фонологической нормы русского языка. В этом отношении весьма интересны и показательны высказывания И. Вахека, подтверждающие наши рассуждения. В своей работе *Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny*, Praha 1968, давая характеристику структурного состояния чешской подсистемы согласных фонем, Й. Вахек при определении корреляции глухости — звонковости обращает внимание на некоторые особенности в реализации названной оппозиции у /k—g/, /t—v/ и /x—h/. Что касается первой пары, утверждает Й. Вахек, то в современной исконно чешской части лексики члены этой пары не несут на себе значения различительной функции. [g] в них является комбинаторным вариантом фонемы [k], считает он, и аргументирует это примерами слов *kde, kdy, kdo, kbelík*, которые всегда произносятся с [g]. В словах же также современных, но иностранного происхождения, где произношение с [g] не обусловлено фонемным строем слова, т. е. звонкостью согласного, которым реализуется последующая фонема, согласному [g] нельзя отказать в статусе самостоятельной фонемы (ср. противопоставления *golem — kolem, grál — král* и т. п.). Из этого вытекает, резюмирует Й. Вахек, что фонологическое качество согласного [g] в приведенных двух частях чешской лексики, современной отечественной и современной заимствованной, диаметрально различно. «Иначе говоря, — продолжает Й. Вахек, — в данном случае мы имеем дело с явлением, которое Пайк и Фриз называют сосуществованием двух фонологических систем в рамках одного и того же языка» (с. 61 названной работы). Затем Й. Вахек обращает внимание на то, что уже в 40-ые годы Б. Тринка высказывал свое мнение относительно беспроблемного принятия носителями чешского языка [g] как фонемы в заимствованной части лексики чешского языка и подчеркивал, что чехи без особых затруднений произносят и усваивают этот звуковой элемент потому, что оппозиция /k/ — /g/ поддерживается обычной для чешского языка оппозицией целого ряда противопоставлений в исконно чешской части словарного состава. Благодаря освоению иностранной лексики и образованию новых слов от нее за счет чешских деривационных средств, [g] в этих словах начинает восприниматься как своя фонема. Однако необходимо очень осторожно относиться к этому начинающемуся процессу, предостерегает Й. Вахек, поскольку «в исконно чешской лексике [g] все-таки еще постоянно считается комбинаторным вариантом /g/ и лишь в заимствованных словах имеет статус самостоятельной фонемы, одновременно сигнализирующей иностранное происхождение слова, в котором она находится

(с. 62). Сказанное об особенностях корреляции глухость-звонкость согласных в чешском языке можно целиком перенести на материал оппозиции твердость-мягкость заднеязычных в русском языке.

Возникшие перед /i/ и /e/ в историческую эпоху палатальные варианты твердых заднеязычных /k/, /g/ и /ch/ (подробно об этом см. Аванесов, 1974, 256) закрепились в языке и поддерживались не только морфонологическими процессами, осуществлявшимися внутри парадигмы отечественной лексики, но и словами иноязычного происхождения, главным образом греческого, где твердые заднеязычные находились в позиции перед гласными переднего образования и давали полумягкие варианты заднеязычных. Однако в этом случае чувствовалось все-таки большое противодействие со стороны фонетической системы и артикуляторных способностей, точнее навыков русского языка, потому что, давая право на существование в нем полумягких вариантов заднеязычных, он, как свидетельствуют историки языка, на морфемном стыке вместо ожидаемых мягких заднеязычных в качестве коррелятов к твердым /k/, /g/, /x/ все-таки предлагал мягкие шипящие или свистящие в соответствующих позициях. Типичным для современного русского языка С. Б. Бернштейн считает ряд морфонологических чередований, например, в грамматической форме 1 л. ед. ч. настоящего времени, где используются «почти все возможности противопоставлений по признаку твердость-мягкость согласных фонем» (Бернштейн, 1974, 18), где твердому /k/ по мягкости противопоставлен /ч/, /г/ — /ж/, как результат древних палатализационных процессов, /с/ — /с'/, /з/ — /з'/ и т. д. Но вот в диминутивах типа «сук — сучок, берег — бережок, смех — смешок», образованных определенно значительно позже, чем отмеченная выше форма 1 л. ед. ч., язык дает также чередование к/ч, г/ж, х/ш, несмотря даже на позицию перед непередними гласными. Примеры подобного типа могут служить доказательством того, что, во-первых, морфонологические процессы парадигматического уровня имели приваляющее влияние на фонетические изменения в словообразовании (случай типа сук — сучок), и, во-вторых, что [к'], [г'], [х'] все-таки относятся к периферии фонологической системы русского языка.

С исторической точки зрения их возникновение можно считать результатом тенденции к реинтеграции заднеязычных в центр системы консонантов после того, как вследствие палатализационных процессов в период существования праславянского языка они были передвинуты на периферию, потеряв возможность создавать коррелятивные пары с палатализованными заднеязычными, как это было у исконно мягких, а затем и у вторично смягченных.

Как показал обследованный материал современного русского языка, так называемые мягкие заднеязычные до сих пор не приобрели статуса самостоятельных фонем, поскольку встречаются лишь в позиции морфемного стыка, главным образом перед /и/ и /э/.

В 279 500 обработанных нами словоформах только 27 лексических единиц содержат сочетание мягких [к'], [г'], [х'] с ударными /а/, /о/, /у/. Из них 18 случаев представляют фонематическую последовательность /к'о/ на морфемном стыке корневой согласной и суффикса в словах французского происхождения; 1 случай содержит фонематическую последовательность /г'у/ в слове *гюйс* голландского заимствования; 8 примеров представили фонематическую последовательность /к'у/ в словах французского происхождения. Кроме названного выше слова, это следующие примеры:

бракёр, киоскёр, клакёр, ликёр, маркёр, паникёр, фланкёр, хроникёр;
допель-кюмель, маникюр, педикюр, ридикюль, экю и их производные.

Примеров сочетаний [к'], [г'], [х'] с фонемой /а/ не нашлось вовсе, если не брать во внимание случаи типа *жгя, берега*.

Не дало примеров и обследование лексического материала, проведённое на парадигматическом уровне, если не принимать во внимание 28 случаев 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч. глаголя *ткать* с потенциальными приставками. Такое заключение было сделано после обработки 165 500 лексических единиц.

Прав поэтому А. А. Реформатский, считая [к'], [г'], [х'] комбинаторными вариантами фонем /к/, /г/, /х/.

ЛИТЕРАТУРА

- АВАНЕСОВ, Р. И.: Русская литературная и диалектная фонетика. Москва 1974.
- БАРАНОВСКАЯ, С. А.: О фонологизме сопоставительного метода. В сб.: Вопросы фонетики и обучение произношению. Москва 1975.
- БЕРНШТЕЙН, С. Б.: Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва 1974.
- БОНДАРКО, Л. В.: Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Ленинград 1981.
- ВАСИЛЬЕВ, А. И.: Фонология в процессе обучения русскому произношению иностранцев. В: Русский язык за рубежом, 1967, № 3, с. 44.
- ЗУБКОВА, Л. Г.: Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. Москва 1974.
- КУЗНЕЦОВА, С. М., ПАНОВ, М. В.: О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии. В: Проблемы теории и истории русского языка. Москва 1980.
- МАСЛОВ, Ю. С.: Введение в языковедение. Москва 1975.
- ОЛИВЕРИУС, Э.: Фонетика русского языка. Прага 1974.
- ПИРГОВА, Н. К.: Вокализм современного русского литературного языка. Москва 1980.

РЕФОРМАТСКИЙ, А. А.: Из истории отечественной фонологии. Москва 1970.

СКАЛОЗУБ, Л. Г.: Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев 1963.

ТРУБЕЦКОЙ, Н. С.: Основы фонологии. Москва 1960.

VASNEK, J.: Dynamiká fonologického systému současné spisovné češtiny. Praha 1968.

JSOU MĚKKÉ /k'/, /g'/, /x'/ V SOUČASNÉ RUŠTINĚ FONÉMY?

Pozice konsonantů před zadními vokály /a/, /o/, /u/ v současné ruštině se považuje za nejsilnější pro realizaci korelačního příznaku palatálnost — nepalatálnost. Výchozí lexikální materiál čítající 279 500 jednotek ukázal, že /k'/, /g'/, /x'/ se v této pozici vyskytují minimálně, přitom hlavně ve slovech cizího původu. Autorka na základě historického i fonetického řešení otázky vzniku tzv. měkkých velár a zjištěním funkční zatíženosti jejich spojení se zadními vokály shodně s A. A. Reformatským považuje /k'/, /g'/, /x'/ za kombinatorní varianty tvrdých velár.